

ОПРАВДАНИЕ АВГУСТА

Август 1991 года, как и октябрь 1917-го, был актом выбора, отсекавшим множество альтернатив и сужавшим «коридор возможностей». Не будь октября, могли возникнуть очень разные России, но после октября было уже predetermined, что если будет не Сталин, то «кто-нибудь вроде» Сталина, а затем, если бы не Хрущев, то тоже самое с небольшими вариациями сделал бы Маленков или даже Берия, и, возможно, если бы не было Горбачёва, то появился бы какой-либо его аналог.

Не будь августа, тоже могли бы быть разные России, но после него мы встали на путь, на котором были неизбежны если не Беловежские соглашения, то аналогичные соглашения в каком-либо ином месте, если не гайдаровская реформа, то какая-нибудь отличающаяся только деталями «авеновская», если не октябрь 1993-го, то что-нибудь в этом роде, если миллиардер — не придворный теннисист, то, скажем, врач, или массажист, или муж секретарши.

О чем думали, что чувствовали те люди, которые, собравшись вокруг Белого дома, отразив «гэкачепистов» и взяв власть, вернее, передав власть своим лидерам, определили наш исторический выбор?

Они ощущали себя пробудившимся, восставшим народом, который отказался «быть быдлом» (выражение Елены Боннэр) и не побоялся бросить вызов бронетехнике путчистов. Их храбрость, решительность и мужество их вождей: Ельцина, Руцкого, Хасбулатова, Попова, молодого, но «многообещающего» Станкевича и др., — сорвали заговор реакции, цепляющейся за власть и привилегии, за коммунизм и СССР, заговор номенклатуры, победа которой могла бы повернуть нас вспять и даже могла вновь усеять страну лагерями, в которых томились бы демократы. Отныне будет покончено с бесконечными колебаниями нерешительного, цепляющегося за «социалистические идеалы», не могущего порвать со своим классом и наследием прошлого Горбачева. Открылся путь к окончательной ликвидации КПСС и «имперского центра», душасящего все народы, и, может быть, даже больше других, наш российский народ. Скоро установится нормальная демократическая система, при которой будут бороться, скажем, христианские демократы с социал-демократами. Установится господство закона — взамен произвола и «телефонного права» партаппаратчиков. Национальные конфликты кончатся, ибо народы станут свободны и исчезнет сила, игравшая на этих конфликтах и разжигавшая их. Свобода раскроет колоссальные творческие потенции народа, который так много сделал даже в чудовищных условиях тоталитаризма, а теперь наконец расправил спину. Страна освободится от расходов на гонку вооружений и на поддержание марионеточных коммунистических режимов, поэтому после краткого, хотя и несколько болезненного, переходного периода мы просто не можем не стать такими же богатыми, как американцы или шведы.

Все вышесказанное — не пародия, не карикатура. Именно такие мысли были у людей, собравшихся у Белого дома и затем ликовавших на улицах Москвы. Но сейчас совершенно объективное изложение этих мыслей выглядит издевательством. Пять прошедших лет придали совершенно иной смысл августовской победе и заставляют совершенно иначе взглянуть на события того времени.

Те, кто собрался вокруг Белого дома и ощущал себя поднявшимся с колен народом, были очень относительно — народом и очень сомнительно — поднявшимся с колен. Это была не такая уж большая группа людей, в которой преобладали низы и средние слои интеллигенции и новые коммерсанты, «кооперативщики». Настоящей революционной борьбы в России не было, диссиденты представляли собой ничтожную горстку и играли среди номенклатурного и элитарно-интеллигентского руководства демократов роль, скорее, декоративно-представительскую. Подавляющее большинство защитников Белого дома, может быть, ненавидели КПСС и советскую власть очень давно, но расхрабрились лишь в годы перестройки, после того как сама «тоталитарная власть» в лице генсека Горбачёва долго их раскачивала, внушая, что теперь бояться нечего (после чего они, естественно, накнулись именно на Горбачёва как на недостаточно смелого и решительного). Август 1991 года был единственным эпизодом за эти годы, когда они вроде бы действительно чем-то рисковали, но и в августе, как я убежден, хотя доказать это и не могу, в глубине души большинство из них понимало, что на самом деле никакого риска нет и никто штурмовать Белый дом не собирается. Так что и в самом смелом их деянии был элемент театра, имитации.

Но если защитники Белого дома имитировали героическую оборону, то «нападавшие» путчисты имитировали нападение. У ГКЧП не было готовности идти до конца, которую потом так ярко продемонстрировал Ельцин во время своей осады того же Белого дома. Это был бессильный «компромиссный путч», произведенный, кажется, не столько в расчете на победу, сколько «для очистки совести» («мы пытались что-то сделать, мы не шли безропотно на ликвидацию СССР»). Подавляющее большинство партноменклатуры, давно уже ни в какой коммунизм не верящее и уставшее от партдисциплины, пальцем не пошевелило для спасения КПСС и СССР. «Классовый инстинкт» и элементарный здравый смысл подсказали ей, что лозунгов борьбы с привилегиями партаппарата бояться нечего, власть никто не отнимет, ибо и отнимать ее некому. Более того, сейчас открывается перспектива настоящей власти и настоящей собственности, наступает время, когда «красиво жить не запретишь».

Что было потом, после августовской победы и эйфории, мы тоже знаем. Мы знаем, что крови за эти пять лет было пролито во много раз больше, чем за всю послесталинскую советскую историю. И мы уже привыкли к этой крови, Чечня вызывает значительно меньше эмоций, чем не сопоставимые по масштабам трагедии в Сумгаите и Вильнюсе. Мы знаем, что годы «рыночных реформ» отняли у каждого россиянина ровно пять лет жизни — на столько уменьшилась средняя ожидаемая продолжительность жизни, единственный безупречный и неоспоримый показатель ее качества, что, пожалуй, сопоставимо с большевистским террором, только форма убивания людей иная. Мы знаем, что номенклатура не только не отдала привилегии, но купается в немислимой в советские времена роскоши, а шахтеры падают в голодные обмороки; что разрыв между уровнем жизни богатых и уровнем жизни большинства достиг масштабов стран третьего мира; что в списке пятидесяти стран, ранжированных западными экспертами в порядке их перспектив экономического развития, Россия занимает пятидесятое место; что «телефонное право» заменила ситуация, когда ближайшие к президенту люди могут публично обвиняться не только в коррупции, но и в убийствах, но что это ни на минуту не мешает им прибавлять все новые миллиарды к своим состояниям; что, наконец, народ настолько еще не поднялся с колен, что, зная все это, он голосует за эту же власть, которая так прямо и говорит: как бы кто ни голосовал, уйти она все равно не уйдет. Кто же виноват во всем этом? Кого тянуть к ответу?

При чисто «научном» подходе к истории вопрос о вине вообще не возникает. За что винить большевиков, если в обстоятельства, сделавшие возможной их победу, входит все, что угодно, от православной культуры до мировой войны и личных недостатков Николая II и Керенского? И как их можно винить, если они не могли знать, что из всего этого получится, и были искренне убеждены, что создадут земной рай? Но если все же судить просто, по-человечески, они виноваты. Ленинские фанатизм и беспощадность — это моральная ущербность, и все последующие ужасы большевистского режима — это разворачивание во времени изначальных моральных изъянов и преступлений. Та же самая логика применима и к августовским победителям. Разумеется, появление созданной августом системы было очень вероятно, и мы опять можем приводить множество факторов — от той же православной традиции до характера Горбачёва и членов ГКЧП. И разумеется, они хотели «как лучше», и многие были глубоко убеждены, что знают «как лучше» (некоторые даже читали Хайека и Фридмана, как некоторые большевики — Маркса и Энгельса). Но все же во всем, что происходило позже, виноваты прежде всего они — победители. И конечно, не в том, что поднялись против ГКЧП — это как раз было, если и не таким героическим, как они пытались представить, но все-таки честным и мужественным актом. Они виноваты в другом — в том, что в советское время были тихими конформистами, а затем, когда стало безопасно, приняли революционную позу и стали свехрадикальны (большевики хоть действительно боролись). В том, что считали себя умнее отцов и дедов, от которых отреклись с удивительной легкостью (и за это попали в ту же ловушку, что и деды). За то, что, смеясь над марксизмом («верой отцов») и удовлетворяясь еще более примитивными мифологическими схемами, поверили в молочные реки и кисельные берега, которых можно достигнуть без больших усилий, сменив форму собственности и введя рынок. В том, что уже в августе революционные интеллигенты устроили кучу малу вокруг партийного имущества, — предвосхищение будущих кровавых дележей государственной собственности. В совершенно неоправданном классовом высокомерии (не настолько уж они умнее рабочих и крестьян, да еще вопрос — умнее ли) и поразительном безразличии к «простому народу». В легкомысленно-безответственном отношении к бывшим «братским республикам» и во многом другом. В мировоззрении и чувствах августовских победителей, в их моральной и интеллектуальной дефектности в зародыше были все наши последующие беды, как кошмары советской власти представляли собой лишь «разворачивание» моральной и интеллектуальной ущербности большевиков. Сейчас не видеть это, по-моему, уже нельзя. Вина — очевидна. Но может ли быть какое-либо оправдание?

Все ссылки на объективные трудности, на то, что «хотели как лучше» — не оправдание, это в лучшем случае — «смягчающие вину обстоятельства». Путь оправдания, мне кажется, есть лишь один.

Сейчас мы — в относительно устойчивом (и не очень приглядном) состоянии. Но история продолжается, и говорить, что 1996 г. — итог и результат 1991-го, можно не с большими основаниями, чем, например, во французской Директории видеть итог революции 1789 г. или любой послеоктябрьский год нашей истории считать итогом революции 1917 г. Последствия любого исторического события уходят все дальше и дальше — в бесконечность. За Директорией придет Наполеон, затем — Реставрация и вся дальнейшая история Франции вплоть до Жака Ширака, в каждом событии которой — нечто от импульса, идущего от 1789 года. И у нас за 1919 г. следовали и 1930 и 1937, 1956-й, год XX съезда, и брежневский «застой», и горбачёвская перестройка. С движением вперед прошлое каждый раз предстает нам в новом свете и обретает (или раскрывает) новый смысл. Поэтому есть один реальный путь оправдания августа — если в конечном счете мы или, скорее, уже

наши дети создадут демократическую Россию, которая не будет идеальной (идеальных стран и быть не может), но жизнь в которой будет не постыдной и не беспросветной. Тогда можно будет сказать, что мы шли пусть сложным и извилистым путем, но в правильном направлении и итог наш — не Чечня, шахтерские голодовки и господство Тарпищевых, а Россия, за которую не стыдно перед другими народами. У августовских победителей получилось «как всегда», и никто, кроме них, в этом не виноват. Но хотели они все-таки, при всех своих грехах и ошибках, «как лучше», и если в конечном счете получится «как лучше», значит, все было не совсем уж бессмысленно.